

В. К. ХАРЧЕНКО

*(Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, Белгород, Россия)*

УДК 811.161.1'42

ББК Ш141.12-51

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ КРЕАТИВ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ «ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ» МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ (БУЛГАКОВА)

Аннотация. В статье исследуются лингвистические особенности «Истории русской церкви» митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова). Проводятся подсчеты коэффициента лексического разнообразия. Подсчитан процент слов, употребленных два, три, четыре и более раз. Исследуется степень разнообразия применительно к начальным, центральным и финальным предложениям. Высокая степень разнообразия лексики свидетельствует о креативности текста.

Ключевые слова: митрополит Макарий (Булгаков), «История русской церкви», коэффициент лексического разнообразия, креативность текста.

Термин «лингвистика креатива» всё чаще используется применительно к языковой игре, и это справедливо, хотя, на наш взгляд, недостаточно. Не менее важно исследовать тексты, идеальные с точки зрения творческого их исполнения, причём тексты далеко не только художественные. Таким текстом стала для нас «История русской церкви» митрополита Макария (Булгакова). При самых высоких оценках стиля митрополита Макария (Булгакова), отмечавшихся и при жизни, и после её завершения, самого проникновения в суть, сердцевину научного описания не осуществлялось. Не происходило это, во-первых, из-за 70-летнего размежевания церковной и светской литературы, что во многом продолжается до сих пор; во-вторых, из-за большего внимания к малым формам, в частности к проповедям, что несколько легче исследовать, нежели академический труд большого объёма. Между тем экспериментальное проникновение в основную труд митрополита «Историю русской церкви» может

дать не менее интересный материал, актуальный для сегодняшнего дня, для уяснения лингвистики креатива в её творческом преломлении.

Стиль митрополита Макария обеспечен удивительным богатством используемой лексики, что подтверждает вычисление коэффициента лексического разнообразия текста [Харченко 2008: 26-33]. Для количественного анализа был выбран небольшой, но относительно завершённый авторский текст Предисловия [ИРЦ 1: 83-86], который, во-первых, «с высоты птичьего полёта» охватывает всё предстоящее содержание большого труда и, во-вторых, лексические единицы которого менее привязаны к тому или иному конкретному блоку изложения. Этот текст условно мы поделили на два примерно равных фрагмента, демаркационная линия которых означена абзацем, начинающимся словами «Но где же должна сказать о них, этих следах святой веры...». Далее по каждому из двух отрывков Предисловия был произведен количественный подсчет абсолютно всех слов, включая служебные, с указанием числа повторений. Слова проставлялись в начальной форме.

I. а 3, апостол, без 8, благоустройство, ближайший / близкий 2, более, большой, бы 4, быть 9, в (во) 22, важный 2, варяго-руссы, великий 3, вера 2, вероятность, весь 3, весьма... < > уже 2, упомянуть, хотя 2, христианин, христианство 10, царство 4, церковный, Церковь 16, частность, частный, часть, число, что 7, чтобы, этот 7.

II. а 3, армянский, близкий, более 3, больше, бы, бывать / быть 5, в (во) 25, введение 4, великий 2, вера 4, верный, весь 3, взгляд, видеть...< > точка, точнее, третий, уже 2, упомянуть, хотеть, хотя, христианство 6, царство 6, церковный 2, Церковь 11, частнейший, часть 2, что 5, эпоха, этот 6, я 9.

Уже по этим двум рамочным выборкам видно, что между ними проскакивают общие слова (*Церковь, уже, а, этот...*), и на следующем этапе мы произведем наложение данных, чтобы получить ещё более прозрачный результат по исчислению коэффициента лексического разнообразия стиля митрополита Макария, но сейчас проанализируем выборки по отдельности.

В первой части Предисловия всего не повторяющихся слов – 204, употребленных единожды – 103, дважды – 40, трижды – 17,

четыре и более раз – 44. Половина слов (!) употреблена в отрывке единожды, если присовокупить двукратное словоупотребление, то получим 70 % от общего числа. Не более трех раз – 78,4%. Обращает на себя внимание соответственно и весьма низкий процент (24,56%) слов, употреблённых более трех раз.

Во второй части Предисловия: всего не повторяющихся слов – 210, употребленных единожды – 130, дважды – 30, трижды – 11, четыре и более раз – 39. Более половины слов употреблены всего один раз. Если прибавить двукратное словоупотребление, то получим 76% от общего числа. Не более трех раз – 81%.

Теперь ожидаемо соединим данные, то есть наложим два списка, чтобы получить количественный портрет Предисловия. Всего не повторяющихся слов – 312, употребленных единожды – 161, дважды – 60, трижды – 24, четыре и более раз – 67.

Гипотетически мы ожидали, что при наложении двух списков проценты единожды, как и дважды, трижды употребленных слов снизятся, однократное употребление сменится двукратным, двукратное перейдёт в трёх- и так далее, однако прирост наблюдался на частотных словах, а процент малоупотребительных оказался едва ли не тождественным. Более половины слов с единичным словоупотреблением – 51,6%. Если присовокупить двукратное употребление слов, тогда процент вырастет до 67,6%. Не более трех раз – 75,3%.

Из трёх вышеприведенных итоговых таблиц наиболее интересна для нас вторая, в которой высчитывается лексическое разнообразие при продолжении развёртывания Предисловия. Любопытно, продолжая, начинает ходить по собственным следам, что естественно и ожидаемо. Неожиданным для нас был высокий процент одноразово употребленных слов именно при развёртывании объяснительного текста, каковым по определению и является любое предисловие.

Всего знаменательных и служебных слов в Предисловии 1031. Коэффициент лексического разнообразия текста: $161 : 1031 = 0,156$. Каждое десятое слово в тексте встречается впервые, точнее: встречается в первый и в последний раз.

Теперь возьмём в синтагматической цепи, контекстуальной последовательности только знаменательные слова, опустив

предлоги, союзы, частицы, и отметив их через присущий им индекс частотности в анализируемом тексте. Пропишем, представим такими цифровыми портретами первые три предложения.

а) 17-1-27-28-5-2-2-2-16-5-8-9-2-1-4.

б) 27-29-2-2-2-5-6-2-15-13-3-6-1-2-1-2-2-1-11-14-27-2-1-1-1-13-3-27-28-1-3-2-1-1-13-3-24-2-1-1-17-2-2-1-27-1.

в) 2-4-13-12-16-7-15-2-2-5-8-9-8-29-10-3-6-11-11-14-4-5-6-1-1-1-2-14-2-2-29-27.

На первый взгляд, цифровая палитра весьма и весьма пестра и будто бы мало, о чём свидетельствует. Однако с некоторой, естественной для живого языка в действии условностью можно констатировать, что количество однократно употребляемых слов (словоформ) регулярно увеличивается к концу предложений, то есть к наиболее информативной, финальной части, что не может не работать на пластику текста.

Теперь по такому же числовому сценарию рассмотрим абзац в середине, центральном блоке текста:

а) 13-13-1-16-14-15-5-8-9-2-1-29-27-3-1-1-1-4-1-8-24-6-29.

б) 2-2-2-1-14-1-1-7-5-14-1-1-2-7-1-17-28-4-27-2-1-4-2-1-10-1

Наконец, пронаблюдаем распределение однократно употребленных слов во фрагменте, близком к концу, перед итоговым выводом:

а) 2-2-1-27-1-1-6-28-5-2-24-2-1-2-17-2-3-7-13-27-27-29-1-1-2-13-1-2-2-24-8-6-10-2-5-13-1-24-1

б) 1-1-1-9-7-16-1-1-1-6-1-11-1-5-7-6-28-4-6-1-1-1-24-1-2-15

в) 2-6-4-1-5-1-9-1-5-1-1-9-1-2-7-6-3-10-29-2-7-28-27-3-1-1

В срединном и близком к финалу фрагментах исследуемого Предисловия распределение однократно употребленных слов равномерно распространяется в каждом предложении, без каких-либо сгущений, тогда как в начальном фрагменте приближается, повторим к финалам предложений, сначала задающих тематику дальнейшего изложения словами *церковь, наши, русский, история* и под.

Наши числовые срезы были бы ещё более выразительными, если снять с рассмотрения не только служебные слова, но и местоимения, модальные глаголы, во-первых, и тематически обусловленные постоянно циркулирующие в тексте слова, во-вторых. Такая операция, однако, выглядела бы как подгон под

ответ, и без того достаточно прозрачный.

Помимо Предисловия, мы вычислили коэффициент лексического разнообразия ещё на одном фрагменте из «Истории русской церкви» [ИРЦ-3: 298-299], подобрав для подсчёта слов такой фрагмент, который не содержал бы цитат и обильных перечислений, способствующих резкому увеличению числа единичного словоупотребления.

Отрывок начинается Словами «Неутешительный вывод...» и завершается «...исключительно переводную». Далее следует перечень. В этой части книги историк рассуждает о малом количестве и не лучшем качестве русской духовной литературы в монгольском периоде. Рабочий материал выглядел следующим образом, набранный, правда, столбцом. Представим его фрагмент:

...мало 2, малочисленный, масса, мелкий, монгольский, мочь, мы 6, мысль 2, на 2, навык, над, назвать, народ, настоящее, наука, научный 2, начитанность, наш 6, не 6, небезыскусственный, небогатый, недошедший, некоторый, нельзя...

Всего слов – 359, лексем – 215, употребленных единожды – 157, дважды – 38, трижды – 9, четыре и более раз – 11. Процент однократно употребленных слов составил 73%. Процент слов, употреблённых от одного до трёх раз, вообще зашкаливает: 95%. Практически каждое слово, включая наиболее ходовые, служебные, употребляется в этом фрагменте не более трёх раз.

Таким образом, исчисление лексического разнообразия текста высветило значительный процент такого разнообразия у митрополита Макария (Булгакова), не очень заметный в силу жанрового своеобразия. После завершения наших подсчётов по «Истории русской церкви» нам встретилась интересная публикация в одном научно-популярном журнале. Позволим себе её процитировать.

...Несколько лет назад в «New Journal of Physics» была опубликована статья трёх шведских учёных под названием «Мета-книга и зависящие от длины текста особенности индивидуального литературного письма». В этой статье шведские ученые утверждали, что с помощью анализа классических литературных текстов они сумели выявить «лингвистический почерк» (говорилось даже образней: лингвистические «отпечатки паль-

цев») того или иного автора, по которым его можно опознать в любом, даже не очень длинном отрывке текста. ... Причём язык автора анализировался не с точки зрения его богатства, близости к простонародному или книжному словарю и тому подобное, а в чисто формальном плане – авторы подсчитывали, как растёт количество новых слов по мере удлинения текста. И тем не менее этот анализ действительно позволял «численно опознать» того или иного писателя. В качестве исследуемых они взяли тексты трёх англоязычных романистов: Мелвилла, Харди и Лоуренса. При этом они «склеили» друг с другом все произведения данного автора, чтобы иметь как можно более длинный текст. Далее говорится о том, что оказалось неожиданным: у любого писателя есть тенденция всё чаще повторять слова, если он пишет всё более длинный текст, автор как бы приближается к исчерпанию своего словаря. Однако было установлено, что характер нарастания новых слов и повтора прежних различен для разных писателей, но постоянен для каждого из них, независимо от того, короткий был взят отрывок из романа или отдельный рассказ [Стариков 2017: 93-94].

Как видим из представленного выше нашего материала, индивидуальный характер нарастания новых слов и повтора прежних характеризует стиль не только писателей, о чём говорится в упомянутой статье и что ранее мы исследовали по отношению к творчеству ряда авторов, но и стиль учёных, выдающихся деятелей церкви. Эта особенность стиля, например, митрополита Макария не сразу бросается в глаза в силу академичности самого жанра изложения. Однако лёгкость чтения таких текстов во многом объясняется и лексическим разнообразием используемых слов. Мы далеки от мысли, что митрополит Макарий намеренно учитывал использованную лексику, стремясь обновить её на протяжении всей работы. Привлечение новых в данном контексте слов делалось в основном интуитивно, однако для развития такой интуиции необходимы были серьёзные основания. Знакомство с биографией митрополита Макария раскрывает одну из таких причин. Это сочетание самообучения и обучения, учёбы у выдающихся педагогов и деятелей церкви, к числу которых можно отнести Д. С. Любичского, П. Я. Красина, П. Д. Вышемирского, Я. К. Амфитеатрова, а также ректора Ин-

нокентия (Борисова), который часами беседовал со слушателями, разбирая их работы.

Мы остановились только на лексическом разнообразии в «Истории русской церкви», однако разнообразие касается и грамматических форм, и разрядов слов, и конструкций. В любом случае от разнообразия используемых форм во многом зависит креатив, а говоря прицельнее – идеал научного текста.

ЛИТЕРАТУРА

ИРЦ 1 – Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Книга первая. – М., 1994.

ИРЦ 3 – Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Книга третья. – М., 1995.

Стариков Б. Писатель – я тебя знаю... // Знание – сила, 2017, № 1.

Харченко В. К. Квантитативная стилистика: исчисление коэффициента лексического разнообразия текста // Малоизвестные приёмы и методики анализа языка. – М., 2008.

©Харченко В. К., 2018